

На правах рукописи

Култышев Сергей Борисович

**Распоряжение требований
посредством уступки**

Специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Томск - 2006

Работа выполнена на кафедре гражданского права
Юридического института ГОУ ВПО
«Дальневосточный государственный университет»

Научный руководитель:	кандидат юридических наук, доцент Шевченко Александр Семенович
Официальные оппоненты:	доктор юридических наук, профессор Мананкова Раиса Петровна кандидат юридических наук, доцент Филиппова Татьяна Аркадьевна
Ведущая организация:	Уральская государственная юридическая академия

Защита состоится «__» марта 2007 г. в «__» часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.02 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» в 4-м корпусе ТГУ по адресу: 634050, г. Томск, Московский тракт, 8, 4-й корпус ТГУ, ауд. 111.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «__» января 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.А. Елисеев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Истекший с момента вступления в силу частей первой и второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) период позволяет оценить глобальное значение

данного акта. Выражая преемственность в структурном и содержательном плане по сравнению с ГК РСФСР 1922 и 1964 гг., новый кодекс принимался с учетом достижений отечественной цивилистики. Необходимо также отметить включение в ГК РФ ряда новелл, продиктованных учетом особенностей современного развития государственно-правового устройства в РФ, регулирования частноправовых отношений в законодательстве зарубежных стран, международно-правовых соглашениях и конвенциях. Следует признать закономерным, что некоторые сравнительно новые нормы (напр., о бездокументарных ценных бумагах, доверительном управлении имуществом и т.д.) вызвали значительные дискуссии среди исследователей-теоретиков и определенные сложности в практическом применении. Однако подобная участь не миновала и ряд положений, достаточно давно известных отечественным правоведом и закрепленных в законодательстве на протяжении более 70 лет. Среди них с полным основанием можно отметить институт перемены лиц в обязательстве, и в первую очередь наиболее значимую его составляющую – уступку требования.

Уступка требования не является новеллой для отечественного гражданского права. Однако его практическая востребованность в период действия Гражданских кодексов РСФСР 1922 и 1964 гг. была весьма низка, являясь следствием планового развития экономики страны. Это привело к слабому развитию доктрины о перемене лиц в обязательстве в советском гражданском праве, а с принятием ГК РФ 1994 г. - к проблемному становлению современной практики применения норм об уступке требований. Следует признать, что в ГК РФ 1994 г. закреплен сравнительно незначительный объем норм, посвященных уступке требования, которые носят крайне лаконичный характер, допускают неоднозначные подходы к своему толкованию и далеко не всегда адекватно подкрепляются устойчивой теоретической базой.

Отраженные в законодательстве и признанные доктриной принципы свободного использования своего имущества для не запрещенной законом экономической деятельности, свободного заключения договоров, как предусмотренных законом, так и не предусмотренных, но не противоречащих ему, закладывают основу для признания значительных возможностей по распоряжению субъектами гражданских правоотношений своими обязательственными правами. Насущные потребности участников гражданского оборота в оперативной возможности уступать и приобретать права требования становятся очевидны при ознакомлении с широким диапазоном сделок в отношении таких прав, ставших предметом судебных споров.

Сформировавшиеся за последние годы разнообразные научные позиции по проблемам оборота имущественных прав в совокупности с поэтапными изменениями практики рассмотрения судами цессионных споров создают особое состояние незавершенности формирования единого порядка применения законодательства об уступке права. Данное состояние чревато неустойчивым положением сторон цессионных правоотношений и возможными нарушениями их прав и законных интересов.

Следует отметить ряд последовательных этапов формирования положений судебно-арбитражной практики (1996-1999 гг., 2000 - 2003 гг., 2005-2006

гг.), в каждом своем изменении стремящихся учитывать потребности развивающегося гражданского оборота. Чрезвычайно важное значение при этом приобретает рассмотренный 1 июня 2006 года Президиумом ВАС РФ проект Обзора «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами отдельных положений главы 24 ГК РФ». Многие изложенные в нем положения свидетельствуют о кардинальных изменениях во взглядах высшей судебной инстанции на основные проблемные вопросы цессии. Однако, во-первых, данный документ еще не принят в окончательной редакции, а во-вторых, некоторые немаловажные проблемы остались недостаточно освещенными, а подчас даже не затронутыми.

Изучение уступки требования не может ограничиваться анализом положений законодательства и разрешаемых на его основании споров. Очевидна необходимость обращения к фундаментальным положениям теории гражданского права. В исследованиях последних лет авторы в разной степени затрагивали «надцессионные» вопросы, обращаясь к правовой сущности данного явления и его соотношению с более фундаментальными категориями науки гражданского права – правопреемство, общая теория гражданского правоотношения. Занимаемая позиция относительно «вечных» вопросов теории гражданского правоотношения – его объекта и содержания, структуры субъективного гражданского права, – является фактором, во многом определяющим окончательные выводы относительно уступки требования.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о важности теоретического исследования уступки обязательственных прав как особого вида распоряжения субъективными гражданскими правами. Выявленные и прогнозируемые проблемы применения действующего законодательства ставят вопрос о необходимости их доктринального разрешения, определяя практическую значимость настоящей работы.

Степень разработанности темы в юридической литературе. Тема уступки обязательственных прав достаточно широко освещается в современной юридической литературе. Следует отметить немалое число разноплановых диссертационных исследований, посвященных как общим проблемам оборота имущественных прав, так и частным аспектам цессии (О.А. Колесников, М.А. Керимова, А.С. Яковлев, Е.К. Степаненко, В.А. Шестаков, М.С. Бессарабов, С.В. Тетерин, Э.Н. Нариманов). Но несмотря на это, почва для исследований проблем уступки прав требования продолжает оставаться благодатной, поскольку вести речь о завершении формирования устойчивой концепции оборота обязательственных прав, отвечающей динамичным требованиям рынка и канонам теоретического наследия отечественной цивилистики, в настоящий момент является неоправданным.

Целью работы является комплексное исследование правовых проблем уступки договорных требований путем изучения правовой сущности распоряжения обязательственными правами (требованиями) посредством уступки, рассмотрения проблем применения законодательства об уступке требований, формирования общего подхода разрешения спорных теоретических и практических вопросов уступки договорных требований в различные моменты их

существования, а также формулирования вытекающих из этого предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Указанная цель определяет для своего достижения следующие **задачи**:

- уточнить современное состояние изученности вопросов объекта гражданского правоотношения;
- исследовать категорию «распоряжение субъективным гражданским правом», её сущность, виды и особенности;
- рассмотреть вопросы соотношения распоряжения субъективным гражданским правом со смежными цивилистическими категориями;
- выявить проблемы теоретического осмысления и практики применения положений законодательства об уступке требований;
- предложить и обосновать пути по разрешению вышеуказанных проблем.

Объектом исследования выступают теоретические концепции объекта гражданского правоотношения, распоряжения субъективным гражданским правом, а также правовые проблемы допустимости уступки требований, защиты прав и охраняемых законных интересов участников цессионных правоотношений. **Предметом исследования** является совокупность правовых норм, регулирующих распоряжение обязательственным правом посредством его уступки, и основанная на них современная судебная-арбитражная практика.

Методологическую основу исследования составили философский, а также общенаучные и специальные методы исторического, системно-структурного анализа, сравнительного правоведения и другие. При проведении исследования использовались приемы логического познания – анализ, синтез, гипотеза, индукция, дедукции и другие.

Теоретическую базу исследования составили труды российских, советских и зарубежных исследователей гражданского права и общей теории права: М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, К.Н. Анненкова, В.С. Анохина, В.А. Белова, М.И. Брагинского, С.Н. Братуся, В.В. Витрянского, Я.Р. Веберса, А.В. Власовой, А.В. Вошатко, Ю.С. Гамбарова, Ю.И. Гревцова, В.П. Грибанова, Д.Д. Гримма, Д.В. Дождева, И.В. Елисеева, М.В. Кротова, Л.Г. Ефимовой, О.С. Иоффе, В.Б. Исакова, В.П. Камышанского, О.А. Красавчикова, Е.А. Крашенинникова, В.А. Лапача, О.Г. Ломидзе, Я.М. Магазинера, Д.И. Мейера, Д.В. Мурзина, Н.О. Нерсесова, И.Б. Новицкого, Л.А. Новоселовой, Л.И. Петражицкого, К.П. Победоносцева, И.А. Покровского, В.В. Почуйкина, В.В. Ровного, М.А. Рожковой, О.М. Свириденко, В.И.Сенчищева, В.И. Синайского, К.И. Скловского, Д.И. Степанова, Е.А. Суханова. Ю.К. Толстого, Д.О. Тузова, Е.Ю. Туктарова, Ю.Б. Фогельсона, Р.О. Халфиной, Б.Л. Хаскельберга, В.М. Хвостова, Л.А. Чеговадзе, Б.Б. Черепяхина, Е.Е. Шевченко, Г.Ф. Шершеневича, В.Ф. Яковлева. В работе также были использованы исследования ряда зарубежных ученых: М. Венкштерна, Х. Кётца, И. Пухана, М. Поленак-Акимовской, Р. Саватье, Ч. Санфилиппо, Д. Франчози, К. Цвайгерта, Л. Эннексеруса.

Научная новизна исследования определяется сбалансированным сочетанием комплексного подхода к изучению сущности уступки требований как особого вида распоряжения субъективным гражданским правом в соответствии с основными положениями учения о гражданском правоотношении, а

также проблем и перспектив практического применения цессии. Настоящая работа является первым исследованием, посвященным анализу уступки требования в контексте института распоряжения субъективными гражданскими правами. Предложения по совершенствованию практики и внесению изменения в действующее законодательство позволяют вести речь и о прикладной значимости настоящего исследования.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Распоряжение субъективным гражданским правом не является ни правомочием в его составе, ни составляющей правомочия на собственные действия, ни иным элементом субъективного гражданского права. Оно представляет собой проявление гражданской правоспособности лица относительно конкретного субъективного гражданского права в определенный момент его существования, посредством совершения сделок, направленных на утрату права или его обременение. Категории «осуществление права» и «распоряжение правом» являются различными и подлежат строгому разграничению.

2. Обосновывается подход к разграничению распоряжения требованием посредством уступки в широком и узком смысле слова, на основе которого делается вывод об относительной самостоятельности сделки уступки требования. Самостоятельность проявляется в разграничении уступки и её основания. Относительность самостоятельности уступки выражается в том, что значимость цессии как сделки выявляется через противопоставление её своему основанию, при дефектности которого правовой результат цессии наступает, но имеет обратимый характер (ст. 167, 1106 ГК РФ).

3. Концептуальной проблемой современного применения норм об уступке требования является нахождение оптимального соотношения между следующими факторами:

- стремлением к предельно широкой допустимости цессии в отношении разнообразных требований в различные моменты их существования;
- необходимостью соблюдения принципа неухудшения положения должника в результате совершения цессии;
- системным обеспечением защиты прав и законных интересов цессионариев.

Разрешение данной проблемы состоит в признании максимальной допустимости сделок уступки, сопряженном с расширением оснований для выдвижения возражений должником новому кредитору, и комплексном применении мер защиты интересов прав и законных интересов последнего.

4. Существенное значение личности кредитора для должника, требующее получения согласия на совершение уступки (п. 2 ст. 388 ГК РФ), объективно наличествует к моменту возникновения определенных обязательств и не может возникнуть позднее. Личность кредитора важна для должника исключительно в связи с долгом последнего, наличие у должника встречных требований к кредитору значения не имеет.

5. Уступивший договорное требование cedent является удовлетворившим интерес участия как кредитор в договорных правоотношениях. Исполнение должником обязанности в пользу нового кредитора не влияет на взаимоотношения должника с cedentом в сохранившихся между ними договорных

правоотношениях из двусторонне-обязывающего договора. Применительно к ним необходимо признание фикции надлежащего исполнения должником своей обязанности. Цедент должен исполнять свои договорные обязанности перед должником таким образом, как при получении надлежащего встречного исполнения от должника.

6. Впервые обосновывается необходимость защиты интересов цессионария при недействительности обеспечительных прав, перешедших вместе с основным требованием. Аргументируется законодательное закрепление возможности признания цессионарием недействительным основания цессии при недействительности обязательств, обеспечивающих исполнение уступленного требования. При этом у цессионария появляется основание для истребования от cedента предоставления, совершенного за уступленное требование, в порядке ст. 167 ГК РФ.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования определяется его комплексным характером, актуальностью и чертами новизны. Отраженные в работе теоретические суждения и выводы могут быть использованы в научно-исследовательских целях, при изучении курса гражданского права и спецкурсов по проблемам обязательственного права в высших учебных заведениях, а также для совершенствования гражданского законодательства.

Апробация результатов. Положения диссертационной работы нашли свое отражение в ряде опубликованных научных работ, в выступлениях на научных и научно-практических конференциях различного уровня (Всероссийская научная конференция «Стабильность и динамизм общественных отношений в РФ: правовые аспекты» 22-24 сентября 2004 г., г. Барнаул, Научно-практическая конференция, посвященная 65-летию юридического факультета ХГАЭП «Роль юридического образования и науки в формировании Российского гражданского общества и правового государства» 12 октября 2004 г., г. Хабаровск). Результаты исследования используются при проведении лекционных и практических занятий по гражданскому праву в Юридическом институте Дальневосточного государственного университета.

Диссертационное исследование выполнено и обсуждено на кафедре гражданского права Юридического института Дальневосточного государственного университета.

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов и двадцать подпараграфов, списка нормативных актов и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна темы диссертации, раскрывается степень её исследованности в цивилистической литературе, определяются цели, задачи и методологическая основа работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, практическая значимость и апробация результатов работы.

В первой главе «Общие положения о распоряжении субъективными гражданскими правами» раскрываются вопросы теоретической основы дальнейшего исследования.

В пп. 1.1. «Теоретические концепции объекта гражданского правоотношения» обосновывается необходимость уточнения перед освещением цессионных проблем авторской позиции по ряду общетеоретических вопросов - учения об объекте правоотношения, структуре субъективного права, сущности правопреемства. Так, вопрос объекта гражданского правоотношения традиционно относится к числу «вечных» проблем цивилистической науки. Преобладающей на сегодняшний день является трактовка содержания ст. 128 ГК РФ в свете плюралистической теории объекта правоотношения как различных благ (ценностей). Учитывая многозначность понятия «объект» и его использование в различных терминологических комбинациях, наибольшее внимание следует уделить вопросу соотношения понятий «объект субъективного права» и «объект правоотношения».

Анализ научных точек зрения позволяет признать наиболее убедительной позицию С.С. Алексеева, согласно которой под объектом правоотношения в зависимости от вида правоотношения (пассивное или активное, т.е. абсолютное или относительное) следует понимать соответственно либо объект субъективного права, либо объект обязанности. Объект субъективного права может выступать объектом правоотношения лишь в абсолютных правоотношениях (правоотношениях пассивного типа). Субъективные права абсолютного типа устанавливаются в отношении объектов, которые в той или иной степени способны к прямому удовлетворению интересов управомоченного лица, и воспринимаются как блага (ценности). Большинство из перечисленных в ст. 128 ГК РФ категорий представляют собой объекты субъективных гражданских прав, носящих абсолютный характер (вещи, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага).

Буквальное толкование содержания ст. 128 ГК РФ приводит к выводу, что под объектами субъективных гражданских прав понимаются все категории, указанные в данной статье, в том числе имущественные и исключительные права. Признание имущественных прав объектами иных субъективных прав, природа которых сама по себе не ясна, является неверным шагом, не обогащающим науку и дезориентирующим практику применения законодательства. Свое развитие эта проблема нашла в современных дискуссиях о сущности и назначении концепции так называемого «права на право», которому посвящен **пп. 1.2. «Концепция «право на право»: история и современное значение».**

Формирование конструкции «право на право» традиционно связывается с принятием Германского Гражданского Уложения 1896 г., которое установило развернутое правовое регулирование оборота обязательственных прав. Анализ литературы показывает, что изначально концепция «право на право» подлежала применению к требованиям по обязательствам, обосновывая возможность их участия в правоотношениях, признаваемых большинством цивилистов вещными (в первую очередь, залог и узуфрукт). Однако большинству отечественных цивилистов дореволюционного периода более очевидным представлялось иное назначение отмеченной категории. В ней они усматривали направ-

ленность на расширение перечня объектов прав за счет включения в них помимо реальных (телесных) вещей также вещей отвлеченных (бестелесных). Понимание анализируемой концепции в данном аспекте повлекло за собой её критическое восприятие Д. И. Мейером, В.М. Хвостовым, Ю.С. Гамбаровым, Д.Д. Гриммом, Г.Ф. Шершеневичем. Изложенное показывает, что в отечественной дореволюционной цивилистике к категории «право на право» сложилось отрицательное отношение.

Обобщая содержание современных публикаций, автор делает вывод, что концепция «право на право» рассматривается в двух аспектах – узком и широком. Первый охватывает несколько правовых институтов (п. 3 ст. 335, п. 1 ст. 336, п. 6 ст. 340 ГК РФ, раздел IV Закона РФ от 29.05.1992 г. «О залоге»), рассматриваемых значительным числом авторов как вещные, в которых законодательно признается возможность выступления в качестве объектов обязательственных прав. Вместе с тем, подобное понимание концепции «право на право» в современной российской цивилистике гражданского права сравнительно редко. В широком плане концепция «право на право» охватывает собой несколько теоретических построений, наиболее распространенным из которых является универсальная концепция объектов права собственности – телесных и бестелесных вещей, которая, как представляется, не имеет определяющего характера для отечественной цивилистики. В то же время, целостные исследования данного вопроса в отечественном гражданском праве практически отсутствуют; зачастую авторы вкладывают в понятие «право на право» свое понимание, что лишает научную дискуссию конструктивности и последовательности.

В пп. 1.3. «Субъективные гражданские права как объекты гражданских правоотношений» рассматриваются вопросы соотношения указанных понятий. Так, объект субъективного права всегда представляет собой объект правоотношения, что характерно для правоотношений пассивного (абсолютного) типа. Однако объект правоотношения не всегда является объектом права; в правоотношениях активного (относительного) типа он представлен объектом обязанности. Отсюда обязательственные права сами по себе недопустимо рассматривать в качестве объектов прав, но это не исключает возможности их выступления в качестве объектов гражданских правоотношений. В относительном правоотношении определяющим является поведение обязанного лица, а объектом такого правоотношения становится объект обязанности. Объектом обязанности могут выступать объект права должника, либо объект чужого права. Действие, составляющее содержание обязанности должника, может и не быть направлено на объекты абсолютных прав. В ряде случаев объект обязанности может не существовать к моменту возникновения правоотношения. Именно поэтому в качестве существенной особенности объектов в правоотношениях активного типа С.С. Алексеев отмечал, что они всегда выступают в виде результата действий обязанного лица.

Изложенное обосновывает возможность признания обязательственного права в качестве объекта правоотношения. В частности, с момента возникновения основания цессии до её совершения объектом обязанности цедента как должника выступает само требование, подлежащее передаче. В отношении те-

зиса о недопущении смешения категорий объекта и содержания правоотношения в работе отмечается, что выступление требования в качестве объекта обязанности в определенном относительном правоотношении само по себе не затрагивает значения этого требования как содержания того обязательства, в рамках которого оно первоначально возникло. Динамика правоотношения с объектом-требованием влечет определенные последствия для правоотношения, где требование выступает содержанием, выражающиеся в прекращении этого правоотношения. Схожим образом в обязательстве по передаче вещи до момента такой передачи вещь одновременно представляет собой объект обязанности должника в относительном обязательственном правоотношении и объект права в абсолютном вещном правоотношении собственности. Исполнение обязательства (передача вещи) ведет к прекращению обоих отмеченных правоотношений, и к возникновению нового правоотношения собственности в отношении данной вещи, где собственником является бывший кредитор.

В пп. 2.1. «Категория «распоряжение субъективным гражданским правом»» рассматриваются вопросы широко применяемой и незначительно исследованной категории «распоряжение субъективным гражданским правом». Определение распоряжения правом не содержится в законодательстве; упоминания о нем в науке достаточно фрагментарны. Так, по мнению некоторых классиков советской цивилистики, возможность распоряжения субъективными гражданскими правами считалась включенной в содержание таких прав (М.М. Агарков, С.Н. Братусь, А.А.Алексеев). С незначительными терминологическими вариациями данная точка зрения находит отражение в современных исследованиях (М.А. Мирошникова, А.С. Яковлев).

Приведенные взгляды требуют анализа. В науке высказывались различные точки зрения о количестве правомочий, входящих в состав субъективного гражданского права. Автором разделяется позиция о включении в субъективное гражданское право двух правомочий – совершения определенных действий управомоченным лицом, и возможность управомоченного требовать определенного поведения от обязанного лица (А.П. Сергеев, Е.А. Крашенинников, А.В. Власова). Характерной чертой правомочия является постоянное и обязательное наличие в составе права, что очевидно нехарактерно для распоряжения. Попытка поиска места возможности распоряжения правом в рамках известных правомочий в качестве субправомочия приводит к признанию её наибольшей близости с правомочием на собственные действия. В основе этого заключения лежит авторитет положения о распоряжении как об одном из правомочий в составе права собственности, закрепленного в современном российском и ранее действовавшем советском гражданском законодательстве. Одновременно следует признать, что триада правомочий собственника не является бесспорной научной конструкцией. История её включения в отечественное законодательство, бурные научные дискуссии и попытки расширить содержание права собственности путем выявления новых правомочий свидетельствуют об отсутствии научной аксиоматичности триады на современном этапе.

Анализ содержания права собственности позволяет выделить принципиальную неравнозначность распоряжения по сравнению с владением и пользованием как правомочиями на собственные действия. Установленное законода-

телем правило о существовании объектов, изъятых из гражданского оборота (п. 2 ст. 129 ГК РФ), влечет признание факта, что осуществление права собственности в отношении данных объектов посредством владения и пользования со стороны особого субъекта (преимущественно государства) сомнений не вызывает; возможность распоряжения при этом крайне ограничена. Для осуществления правомочий владения и пользования достаточно действий одного управомоченного лица, но действия управомоченного лица по распоряжению правом на вещь в большинстве случаев не являются достаточными для достижения желаемого правового эффекта, обычно для этого требуются также волеизъявления третьих лиц. Очевидно, что владение и пользование направлены на удовлетворение интересов исключительно собственника. Не менее очевидно, что посредством распоряжения в большинстве случаев достигается удовлетворение интересов не только собственника, но и третьих лиц, в пользу которых такое распоряжение совершается. Исчерпывающий анализ правомочий, входящих в состав права собственности, не является ключевой задачей исследования, но данные соображения представляются достаточными для постановки под сомнение безупречности включения распоряжения правом в правомочия на собственные действия в составе субъективного гражданского права.

В работах современных авторов (В.А. Белов, Е.А. Крашенинников, Ю.Е. Туктаров) высказываются оригинально обоснованные позиции о природе возможности распоряжения правом, которые сводятся к признанию её особым субъективным правом. Наряду с изложенным, имеются основания полагать, что категория «распоряжение правом» с определенной точки зрения имеет более глубокий характер, выходящий за рамки субъективных прав в целом. Представляется правильным обращение к фундаментальной правовой категории гражданской правоспособности, что делается в **п. 2.2. «Распоряжение субъективным гражданским правом и гражданская правоспособность»**.

С.С. Алексеев справедливо указывал, что для субъектов гражданского права возможность распоряжения субъективными правами имеет общее значение, она в принципе касается всех субъективных прав. Поэтому такого рода возможность становится необходимым элементом гражданской правосубъектности (правоспособности). В соответствии с п. 1 ст. 17 ГК РФ гражданской правоспособностью признается способность иметь гражданские права и нести обязанности. С.Н. Братусь отмечал, что правоспособность – это абстрактная, общая, принадлежащая всем и каждому возможность быть субъектами всех тех прав и обязанностей, которые признаны объективным правом. В соответствии с иным подходом, который условно можно обозначить как функциональный (Я.Р. Веберс), в содержание правоспособности входят все возможности лица относительно своих субъективных прав, установленные объективным правом. Эти подходы не имеют непримиримых противоречий, дополняя друг друга, они целостно раскрывают содержание категории правоспособности.

Управомоченные лица не всегда осуществляют принадлежащие им права. Пассивное поведение правообладателя нередко встречается в действительности. Но гораздо более часто правообладатель совершает определенные активные действия, не являющиеся осуществлением права, но представляющие собой распоряжение правом.

Общее понятие распоряжения субъективным гражданским правом не сформировано в отечественной цивилистике. В германских и русских дореволюционных цивилистических исследованиях поднимался вопрос о прекращении (утрате) субъективного права и правоотношения, о видах, способах и основаниях такого прекращения. Однако в отличие от германских коллег, оперирующих для обозначения волевого основания прекращения права категорией «распоряжение», отечественные исследователи в качестве общего термина использовали понятие «отчуждение права». Оно употреблялось как в широком (всякая умышленная утрата или ограничение права, всякое действие субъекта права, направленное на полное или частичное прекращение права или ограничение права правом третьего лица), так и в узком, «тесном» смысле (добровольная уступка места активного субъекта определенному лицу, прекращение права путем перенесения его на другое лицо). Германские цивилисты включали отчуждение (адекватное российскому «тесному» пониманию) в число видов распоряжения, наряду с обременением права и отказом от права.

Указанные обстоятельства предопределили разработку категории «распоряжение» в русской, советской и современной цивилистике преимущественно в рамках учения о праве собственности и входящих в его состав правомочиях. Однако есть основания полагать, что явление распоряжения правом имеет общее значение для большинства субъективных гражданских прав, и данная возможность не может появиться откуда-либо, кроме как из гражданской правоспособности.

В работе доказывается необходимость разграничения категорий «осуществление права» и «распоряжение правом». Так, осуществление права опосредуется действиями из заложенных в праве возможностей - распоряжение субъективным гражданским правом представляет собой возможность, заложенную не в данном праве, а по поводу этого права, то есть с внешней стороны от него. Любое субъективное право, предусмотренное в объективном праве для соответствующего вида субъектов права может быть приобретено и осуществлено последними - распорядиться возможно не каждым субъективным правом. Осуществление субъективного права возможно только относительно существующего права - распоряжение некоторыми субъективными правами, среди которых в первую очередь следует указать требования, доктриной и законодательством допускается и до момента их возникновения (п. 6 ст. 340, ст. 826 ГК РФ). В зависимости от вида субъективного права его осуществление либо прекращает такое право, либо оно в целом не претерпевает изменений - результаты распоряжения субъективным правом гораздо более разнообразны.

В пп. 2.3. «Виды и особенности распоряжения субъективным гражданским правом» автором уделяется внимание разнообразным ситуациям распоряжения субъективным правом. Наиболее важным в теоретико-прикладном аспекте является разграничение видов распоряжения по направленности их цели. Среди таковых в науке выделяются: отчуждение права; обременение права; изменение права; прекращение права.

В исследовании делается вывод о признании субъективного права в качестве единственно возможного объекта распоряжения. Распоряжение объектом субъективного права носит производный характер от распоряжения самим

правом на него. Субъективное право обязательственного характера само выступает в качестве объекта распоряжения. Распоряжение может быть осуществлено не только самим обладателем субъективного права, но и иными лицами (законным представителем, поверенным, комиссионером, агентом, конкурсным управляющим, организатором торгов), от имени правообладателя либо непосредственно таких лиц, при наличии законных или договорных оснований. Допускаемое законом несовпадение управомоченного и распоряжающегося правом лица дополнительно подчеркивает невхождение распоряжения в содержание субъективного права в качестве элемента содержания.

Изложенное позволяет расширенно взглянуть на понятие правоспособности в содержательном плане - правоспособное лицо может приобретать права как для себя, так и для других лицам (равно приобретать таковые в результате действий третьих лиц), осуществлять и распоряжаться как своими, так и чужими правами; обладать чужим правом невозможно.

В пп. 2.4 «Категория «изменение правоотношения» и современные концепции правопреемства» обосновывается тезис о том, что категория «изменение правоотношения» не может быть признана однопорядковой по значению с категориями возникновения и прекращения правоотношений, а её употребление носит условно-традиционный характер, являясь устоявшейся терминологической традицией. Изменение в любом элементе гражданско-правового отношения следует рассматривать как прекращение первоначального отношения и возникновение относительно самостоятельного нового правоотношения (В.А. Белов).

Автором рассматриваются основные современные концепции правопреемства, отраженные в литературе: теория транзитивности (переходности) субъективных прав, и теория прекращения субъективного права с одновременным возникновением у другого лица нового права, полностью (либо в соответствующей части) содержащего в себе все черты права первоначального, и высказываются взгляды в поддержку второй позиции. Правильным представляется понимание правопреемства как процесса прекращения субъективного права у его первоначального обладателя при одновременном возникновении у правопробретателя нового права, полностью (либо в части) перенимающего в себе черты первоначального права, принадлежавшего первому лицу. Право называется субъективным не только потому, что им обладает лицо, именуемое субъектом. Данное право принадлежит конкретному субъекту, являясь неразрывно связанным с ним. Правопреемство как особый процесс разрывает эту связь, право прекращает свое существование. Возникая у иного лица, и будучи идентичным в своем содержании и объекте, это будет уже другое право, схожее с первоначальным полностью либо в определенной части, но не оно само. Данное право будет составлять содержание иного правоотношения, в основе которого будет лежать иной юридический факт (состав).

Во второй главе «Цессия как распоряжения требованием» рассматриваются основные вопросы такого вида распоряжения субъективными обязательственными правами, как отчуждение посредством уступки (цессии).

При анализе правовых характеристик уступки требования (цессии) в п. 1.1. отмечается, что отчуждение требований осуществляется посредством

особой сделки - уступки права (требования). Разнообразны взгляды о правовой сущности уступки требования. Большинство исследователей придерживаются воззрения на уступку требования как на соглашение, для заключения которого необходимо согласованное выражение воли двух сторон. С подобной трактовкой следует согласиться. Иные позиции не в полной мере учитывают различие между распоряжением требованием путем его отчуждения, и непосредственными последствиями такого распоряжения.

Уступка требования представляет собой особый вид сделки – так называемой распорядительной (транспортной, транслятивной). Распорядительными называются сделки, само совершение которых оказывает непосредственное влияние на уже существующие гражданские правоотношения. Являясь коррелятом сделок обязательственных, они достаточно жестко противопоставляются последним. Однако подход категоричного разграничения не позволяет в полной мере отметить их взаимосвязь в механизме цессии. Так, распоряжение об уступке требования, направленное на его отчуждение, следует рассматривать как свободное действие, совершаемое своей волей и в своем интересе; исключения должны находить исчерпывающее закрепление в законе. Когда в основе уступки лежит обязательственный договор, именно он в первую очередь выражает свободную волю лица на распоряжение требованием. Собственно уступка при этом приобретает значение исполнения обязанности по передаче права. Отсутствие (недействительность) обязательства влечет временную неустойчивость правового положения цессионария. В ситуациях, когда уступке требования не предшествует установление обязанности cedentа по передаче требования (уступка требования в качестве отступного и т.д.), мы имеем дело с распоряжением в виде отчуждения, совершаемым по воле и в интересе управомоченного лица по основаниям, не порождающим обязательства.

Обоснованным видится проведение разграничения распоряжения требованием путем отчуждения в широком и узком смысле слова. В широком смысле данное проявление гражданской правоспособности представляет собой совокупность сделок основания уступки требования, и самой уступки. В узком смысле распоряжение требованием путем отчуждения исчерпывается его уступкой как действием, непосредственно направленным на передачу права от одного лица к другому. Из этого разграничения можно сделать вывод по обозначенной в науке проблеме самостоятельности цессии. Представляется, что таковую можно рассматривать в качестве относительно самостоятельной сделки. При этом самостоятельность следует понимать прежде всего как отграничение уступки от её основания, недопущение смешения таковых. Относительность самостоятельности уступки выражается в том, что собственная значимость цессии как сделки выявляется и подчеркивается нами через противопоставление её определенному, конкретному основанию, при дефектности (отсутствии) которого правовой эффект цессии не наступает либо временно носит неустойчивый (обратимый) характер (ст. 1106 ГК РФ).

В пп. 1.2. «Проблемы абстрактности уступки требования» автором рассматривается вопрос о признании цессии абстрактной сделкой и следствиях такого признания. Оправданным видится рассмотрение сделки как осуществления предоставления - действия, посредством которого одно лицо создает

другому выгоду (М.М. Агарков). Предоставление может выражаться как в принятии на себя обязанности одним лицом перед другим, так и в акте распоряжения правом. Основание сделки должно отражать цели всех её участников, представляя собой определенное соотношение между совершающимися в рамках данной сделки предоставлениями. Такое соотношение, обозначаемое в литературе как «хозяйственная» (материальная) цель (Ю.Б. Фогельсон, К.А. Новиков, А.В. Кашанин), зачастую следует из содержания сделки не столь явно и очевидно, как цель правовая.

В каузальной сделке основание служит её необходимым элементом, представляет собой юридическое условие сделки, включаясь в её содержание. Оно отражает условия, существенные для данной сделки, и определяет её правовую природу. Основание абстрактной сделки также существует – но относительно самостоятельно от этой сделки. Оно определяется соглашением сторон сделки, которое не составляет элемента абстрактной сделки (не входит в нее в качестве условия её содержания). Абстрактность как свойство сделки представляется правильным выводить из норм законодательства. В пользу абстрактного характера сделки уступки свидетельствует формулировка п. 1 ст. 382 ГК РФ: право (требование) принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования). В указанном правиле не отражены какие-либо упоминания об основании данной сделки и последствиях его отсутствия. Кроме того, возникновение правового эффекта сделки уступки по недействительному (несуществующему) основанию признается законодателем в ст. 1106 ГК РФ.

Разделяя позицию об абстрактном характере цессии, автором отмечается, что данная черта уступки должна рассматриваться в совокупности со всеми иными правовыми институтами, опосредующими гражданско-правовой оборот, в том числе с положениями о недействительной сделке и последствиях её недействительности. Анализируя ст. 1106 ГК РФ, следует учитывать, что упоминаемая в ней уступка представляет собой исполнение по недействительной сделке. Очевидна системная связь положений п. 2 ст. 167 и ст.ст. 1105, 1106 ГК РФ, отмечаемая рядом современных исследователей (Д.О. Тузов). Бесспорно, что цедент, осуществивший уступку на основании недействительной сделки, приобретает право требовать возврата уступленного требования (восстановления первоначального положения), либо возмещения его действительной стоимости. Одновременно в данной ситуации надлежит руководствоваться положениями п. 2 ст. 166 ГК РФ, в соответствии с которыми требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено любым заинтересованным лицом, а суд вправе применить такие последствия по собственной инициативе. Если же основание цессии является оспоримой сделкой, соответствующие требования может заявить только лицо, напрямую указанное в законе.

Анализу содержания договора цессии посвящен пп 1.3. Поскольку сфера действия главы 24 ГК РФ ограничивается изменением субъектного состава обязательств, предметом договора уступки требования могут выступать лишь обязательственные субъективные права. Это определяет важность четкой индивидуализации уступаемого требования в договоре цессии. Вопросам

индивидуализации уступаемых требований в цессионном соглашении наибольшее внимание уделяется в судебной-арбитражной практике. В актах федеральных окружных арбитражных судов, а также Президиума ВАС РФ встречаются заслуживающие внимания положения, позволяющие прийти к выводу о том, что ни один из способов индивидуализации уступаемых требований сам по себе не может быть признан заведомо недостаточным и не способным определить передаваемое субъективное право. Обязательным видится использование судами всего потенциала, заложенного в ст. 431 ГК РФ, что прямо подчеркивается Верховным Судом РФ.

Отдельное внимание уделяется вопросу об объеме прав нового кредитора, переходящих к нему на основании цессионного соглашения. Автором полностью поддерживается позиция исследователей и правоприменителей, отстаивающих взгляды о допустимости разделения и уступки требования в части. Возможность совершения цессии подобного рода связывается с такой характеристикой объекта (предмета) обязательства, как делимость – возможность разделения на части без нарушения сущности.

Имеющие наибольшее практическое значение проблемы допустимости уступки требований рассматриваются в аналогичном по названию §2 второй главы.

Общие положения о допустимости уступки требований в теории и практике раскрываются в пп. 2.1. Под допустимостью цессии понимается возможность и правомерность совершения цессионной сделки относительно определенных обязательственных прав, влекущей переход данных требований к новому кредитору.

Автором обосновывается тезис о том, что наиболее значимые черты уступки требования как элемента гражданско-правового регулирования, в наибольшей степени проявляются применительно к цессии требований, имеющих в качестве основания возникновения различные договоры. Целью современного гражданско-правового регулирования оборота имущественных прав является нахождение оптимального сочетания интересов всех участников цессионных правоотношений. Разрешение данной проблемы видится в признании максимальной допустимости сделок уступки, сопряженном с одновременным расширением оснований для выдвижения возражений должником новому кредитору и комплексным применением мер защиты интересов прав и законных интересов последнего.

Анализ судебной-арбитражной практики и научных публикаций с момента вступления в силу части первой ГК РФ позволяет прийти к выводу о том, что поскольку уступка требования влечет перемену лиц в обязательстве, особую важность приобретает четкое разграничение, в каком смысле употребляется понятие обязательства. Обоснованным представляется ориентироваться на легальное определение обязательства, данное в п. 1 ст. 307 ГК РФ. Подход, основанный на понимании обязательства исключительно как единого сложного правоотношения, порождаемого определенным договором, существенно усложняет понимание цессии, поскольку изначально преследует совершенно иные научные цели – изучение структурных связей между элементами такого сложного правоотношения. В плане практического применения подобный

подход влечет необоснованное ограничение применения уступки требования, делая её допустимой лишь в элементарно простых отношениях, либо на самой последней стадии развития сложного обязательственного отношения, в котором осталось не реализованным лишь одно требование.

Автором поддерживается и развивается высказанная в литературе и наметившаяся в судебно-арбитражной практике позиция о допустимости отдельной уступки требований из двусторонне-обязывающих договоров, независимо от исполнения cedentом встречных обязанностей перед контрагентом-должником.

Опираясь на труды М.М. Агаркова и И.Б. Новицкого, следует учитывать в качестве основной такую сущностную характеристику обязательств из двусторонне-обязывающих договоров, как их взаимную обусловленность. Свое проявление это качество находит в следующих аспектах: во-первых – само возникновение таких обязательств, во-вторых, невозможность приведения в действие одного из обязательств в отрыве от встречного обязательства. При совершении уступки требований из двусторонне-обязывающих договоров необходимо сохранение взаимной обусловленности в обоих отмеченных аспектах. Первичная взаимообоснованность возникновения обязательственных отношений уступкой требования не затрагивается. Во втором случае сохранение взаимной обусловленности выражается в системном действии правил о возражениях должника против требований нового кредитора (ст. 386 ГК РФ), и ответственности кредитора, уступившего требование (ст. 390 ГК РФ).

Наиболее сложному в доктринальном плане **вопросу цессии будущих требований посвящен пп. 2.2.** В нем высказывается поддержка авторов, признающих допустимость такой уступки, и отмечается, что цивилистическая доктрина и гражданское законодательство России в системном толковании не препятствуют такому решению.

Пункт 1 ст. 382 ГК РФ, обозначая предмет уступки, указывает на требование, принадлежащее кредитору на основании обязательства. Буквальное толкование этого положения способно привести к отрицанию действительности соглашения о передаче требования, отсутствующего у cedentа к моменту заключения такого соглашения. Утверждение о том, что распорядительные действия допустимы лишь в отношении существующих прав, признается автором верным в том смысле, что лишь в отношении наличных прав подобные действия способны вызвать непосредственные правовые последствия (переход, обременение, прекращение права). Сделки по распоряжению (уступке, залогу) требованиями, которые должны появиться в будущем, представляют собой сделки под отлагательным условием права, не имеющие силы до возникновения соответствующего требования. Возникновение требования у лица, выразившего свою волю о распоряжении им еще до приобретения, является условием права – будущим неизвестным обстоятельством, от которого наступление действия сделки зависит в силу её природы. На следующий момент после своего возникновения на основании соответствующего юридического факта, требование считается перешедшим к новому правообладателю.

Распоряжение правом на получение денежных средств, которое возникнет в будущем, принципиально признается Гражданским кодексом РФ в главе 43.

Уступка будущих прав вне отношений финансирования под уступку денежного требования представляется договором, хотя и не предусмотренным законом, но явно не противоречащим ему (пп.1 п.1 ст.8 ГК РФ), и в силу этого допустимым к заключению.

Особенности индивидуализации будущих требований в соглашении об уступке состоят в том, что стороны согласуют определенным образом не то требование, которое уже существует у cedentа, но устанавливают критерии того требования, которое должно у него возникнуть через некоторое время, чтобы одномоментно перейти к цессионарию. Автором обосновывается, что такие критерии могут быть подразделены на минимально необходимые (наличие которых позволит вести речь о возможности наступления эффекта сделки в принципе), и разумно необходимые (способные гарантировать интересы сторон в наибольшей степени, исключая спорные моменты во взаимоотношениях между ними). Необходимо признать следующую закономерность – чем более точно и детально определяется будущее требование в соглашении об уступке, тем больше гарантированность интереса цессионария, и тем большие связывающие рамки при приобретении такого требования налагаются на cedentа. Нахождение оптимального баланса интересов сторон является их первоочередной задачей при заключении договора.

В пп. 2.3. «Уступка требований личного характера» осуществляется углубленное рассмотрение данного явления. В главе 24 ГК РФ о требованиях личного характера упоминается дважды. В отношении требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, ст. 383 ГК РФ устанавливает императивный запрет на их переход к другому лицу в рамках любого вида правопреемства. Для требований по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, в п. 2 ст. 388 ГК РФ закреплено правило об ограничении цессии без согласия последнего.

Положения ст. 383 и п. 2 ст. 388 ГК РФ оказывают ограничительное воздействие на распоряжение требованиями, степень такого ограничения в ряде случаев представляется завышенной. Практически вся опубликованная на сегодня практика применения п. 2 ст. 388 ГК РФ допускает выдвигание обоснованных критических замечаний.

Законодательство содержит достаточно показательные примеры требований, неразрывно связанных с личностью кредитора. Утверждать подобное в отношении обязательств, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, затруднительно. Представляется, что в основе отмеченного существенного значения лежит субъективное отношение должника к кредитору, выражающееся в намерении быть обязанным и исполнить свою обязанность исключительно конкретному лицу, повлиявшее на сам факт возникновения правовой связи между ними. Значение личности кредитора для должника существует на момент возникновения обязательства и не может возникнуть позднее. Характеристика существенного значения личности кредитора для должника является самостоятельной и независимой от договорного запрета (ограничения) уступки требований – в противном случае основаниями ограничения уступки будут выступать п. 2 ст. 382, п. 1 ст. 388 ГК РФ, но не п. 2 ст. 388 ГК РФ. Личность кредитора имеет существенное значение для долж-

ника исключительно в связи с обязанностью последнего. Одновременное наличие у должника каких-либо прав требования по отношению к этому кредитору (в рамках двусторонне-обязывающего договора, из иных оснований) никакой роли не играет и во внимание приниматься не должно. Существенное значение личности кредитора для должника надлежит считать известным для управомоченного лица с момента возникновения обязательства. В противном случае цедент и цессионарий не имеют возможности соблюсти требование закона о получении согласия обязанного лица при совершении уступки соответствующего требования.

В работе доказывается правильность изначального признания существенного значения личности кредитора для должника применительно к отдельным видам обязательств, исходя из их характера и основания возникновения. Наиболее показательными примерами таких обязательств являются обязательства из безвозмездных договоров, а также из договоров возмездного оказания услуг, не относящихся к числу публичных договоров.

Изложенное позволяет внести предложение о дополнении содержания п. 2 ст. 388 ГК РФ, представив его в следующей редакции: «Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, а также которое должник в соответствии с п. 1 ст. 313 настоящего кодекса обязан исполнить лично, за исключением обязательств, возникших из публичных договоров (ст. 426)».

Цессии основных и обеспечительных требований посвящен пп. 2.4. В силу ст. 384 ГК РФ обеспечительные права входят в предмет уступки, даже если о них отдельно не упоминается в договоре цессии. Помимо этого, допустимы два осложненных варианта. Первый - передача обеспечительных прав может быть исключена по договору уступки. Второй – возможна постановка вопроса о допустимости отдельной уступки обеспечительного права.

Автором обосновывается позиция о том, что распоряжение требованием через отчуждение влечет его прекращение у первоначального правообладателя и возникновение идентичного права у нового правопробретателя. Из этого тезиса вытекает, что при цессии обеспечительные права также прекращаются вслед за основными, либо окончательно (в силу положений закона или договорных ограничений), либо возникая у нового кредитора (ст. 384 ГК РФ). Сохраниться у цедента обеспечительные права не могут, если иного напрямую не предусмотрено законом (см. напр., ст. 370 ГК РФ).

Аргументами в пользу данного вывода являются следующие соображения. Обеспечительные права представляют собой субъективные гражданские права, которые реализуются в интересе управомоченного лица. При сохранении обеспечительных прав за цедентом мы не можем признать, что он способен осуществить их в своем интересе, коль скоро основного обеспечиваемого требования у него уже нет, нет и интереса к его обеспечению. Далее, принять исполнение по обязательству может либо кредитор, либо лицо, указанное им при переадресации исполнения (ст. 312 ГК РФ). Цедент, предположительно сохранивший обеспечительные права, теоретически может требовать исполнения по ним в пользу третьего лица – цессионария, однако не может требовать и принимать исполнение сам. Отсутствие этого варианта поведения обосновы-

вадет неверность тезиса о признании сохранения за цедентом неуступленных обеспечительных прав. Кроме того, во всех случаях прекращения обеспечительных прав при уступке основного требования не отмечается ситуаций ухудшения положения должника, а изменение в худшую сторону положения иных лиц само по себе цессию не порочит.

Третья глава - «Охрана и защита прав и законных интересов участников цессионных правоотношений» - посвящена рассмотрению системы мер по охране и защите прав и законных интересов цедента, цессионария и должника.

В пп. 1.1., 1.2. уделяется внимание охране и защите прав и интересов сторон цессионного соглашения. Следует признать, что нормы Гражданского кодекса РФ, посвященные регулированию цессионных отношений, содержат значительный «арсенал» мер охраны и защиты их участников, требующий адекватного и последовательного использования.

Автором обосновывается тезис о том, что сообщение цедентом сведений, имеющих значение для осуществления требования, до совершения уступки или одновременно с ней, должно влечь уменьшение ответственности цедента в случае неисправного поведения должника в связи с сообщенными обстоятельствами и может повлечь освобождение от неё, и предлагается внесение соответствующего дополнения в ст. 390 ГК РФ.

В целях охраны интересов должника доказывается необходимо закрепления его возможности выдвигать цессионарию возражения, основанные и на тех обстоятельствах, которые имели место после получения им уведомления о переходе требования. Наилучшим видится законодательное отражение данного правила. Правомерный отказ должника от исполнения своей обязанности связан с выдвиганием им возражений - встречного обращения к новому кредитору с обоснованием полного или частичного отказа от исполнения. Цедент по различным основаниям отвечает перед цессионарием за все правомерные возражения должника, имеющие основанием отношения последнего с цедентом. Этим обеспечивается комплексная охрана и защита интересов правопробретателя, включающая в себя как меры гражданско-правовой защиты, так и гражданско-правовой ответственности.

В пп. 1.3. «Динамика исполнения договорных обязательств при уступке требования» поддерживается позиция авторов о возможности уступки требований из двусторонне-обязывающих договоров независимо от факта исполнения цедентом своих обязанностей перед контрагентом-должником. Уступив договорное требование, цедента следует считать удовлетворившим свой первоначальный интерес участия в договоре в качестве кредитора. Дальнейшее поведение должника по выполнению своей основной договорной обязанности перед цессионарием не должно влиять на развитие его взаимоотношений с первоначальным кредитором. Необходимым в предложенной ситуации является введение для цедента фикции надлежащего исполнения должником своей основной договорной обязанности независимо от реального поведения последнего.

В §2 «Уступка требования и ответственность» рассматриваются вопросы ответственности цедента в цессионных правоотношениях. В случае, если

несоответствие цессии закону носит объективно неустранимый характер, основание уступки надлежит считать недействительной сделкой. В противном случае сделку-основание следует признавать соглашением, направленным на недопустимое распоряжение требованием через установление заведомо неисполнимого обязательства. Однако в ряде ситуаций причины недействительности цессии могут быть принципиально устранимыми (придание цессии необходимой формы, получение согласия должника и т.д.). В таких случаях основание уступки следует признавать действительным. Цедент должен устранить имеющиеся нарушения закона в разумный срок, либо нести ответственность за невыполнение своей обязанности по передаче требования новому кредитору

Недействительность требования в контексте ст. 390 ГК РФ означает отсутствие требования у цедента на момент совершения уступки. Следует разграничивать ситуации, при которых требование не существует уже до совершения сделки-основания, и когда оно существует к моменту совершения данной сделки, но прекращается до заключения собственно цессионного соглашения. Закрепленная в ст. 390 ГК РФ ответственность цедента несколько отличается от классического института гражданско-правовой ответственности. Это не ответственность за причинение вреда (гл. 59 ГК РФ), лишь в ряде ситуаций она представляет собой ответственность за нарушение обязательства (гл. 25 ГК РФ), а в большинстве случаев речь надлежит вести не об ответственности, а о мерах защиты в так называемом узком смысле данного термина. Изложенное позволяет рассматривать ответственность цедента в качестве исторически сложившейся комплексной меры защиты охраняемых законом интересов цессионария как возмездного приобретателя требования, сочетающей в себе меры ответственности и меры защиты в узком смысле.

Особенностям ответственности при уступке будущих требований посвящен пп. 2.2. Соглашение об уступке будущего требования порождает особую обязанность цедента перед цессионарием заключить в определенное время гражданско-правовой договор с рядом конкретных условий. Ответственность цедента за недействительность будущего требования в первую очередь означает ответственность за его возникновение. Если в установленные соглашением сторон сроки будущее требование не возникло, надлежит вести речь об ответственности цедента за неисполнение своей обязанности. При этом в контексте применения положений ст. 390 ГК РФ речь идет именно об ответственности, а не о мерах защиты.

В пп. 2.3. «Ответственность за недействительность обеспечительных прав» автором впервые в отечественной науке поднимается вопрос о необходимости расширения ответственности цедента за недействительность обеспечительных требований, переходящих к цессионарию вместе с основным. Поскольку соглашение об уступке не предусматривает иного, цедент сознательно распоряжается не только основным требованием, но и обеспечивающими его правами. Нередко именно обеспечительные права гарантируют удовлетворение интересов управомоченного лица, их наличие делает уступаемое требование «привлекательным» в глазах потенциального цессионария, способствует заключению договора уступки и оказывает влияние на размер встречного предоставления за уступаемое требование. Цессионарий, не получив исполнения

от должника, обращается к лицу, известному ему из взаимоотношений с цедентом, как поручитель, гарант, залогодатель. Получив отказ от исполнения соответствующей обязанности указанных лиц со ссылкой на недействительность (ничтожность) либо в результате эффективного оспаривания первоначального соглашения о поручительстве, банковской гарантии, залоге, новый кредитор оказывается в затруднительном положении - у него сохраняется возможность взыскания убытков с основного должника, однако данная возможность нередко является более чем ненадежной.

С учетом данных положений автором впервые обосновывается возможность признания цессионарием сделки-основания уступки недействительной по причине недействительности прав, обеспечивающих исполнение уступаемого требования, с использованием механизма ст. 180 ГК РФ. Это предоставит цессионарию основание для истребования от цедента предоставления, совершенного за уступаемое требование, в порядке ст. 167 ГК РФ, и повлечет обратный переход требования к первоначальному кредитору.

Изложенное позволяет сформулировать предложение о дополнении ст. 390 ГК РФ пунктом 2 следующего содержания: «В случае недействительности перешедших к цессионарию прав, обеспечивающих исполнение обязательства, основание уступки может быть признано новым кредитором недействительным в судебном порядке в течение года с момента, когда он узнал или должен был узнать о недействительности указанных обеспечительных прав. Признание указанной сделки недействительной влечет обратный переход требования к первоначальному кредитору».

Основные положения диссертации изложены в следующих опубликованных научных работах:

I. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Култышев, С.Б. Вопросы ответственности кредитора, уступившего требование // Закон и право. - 2006. - №8. - С. 68-71. - 0,3 п.л.

2. Култышев, С.Б. Правовое положение должника при совершении уступки требования // Право и экономика. - 2006. - №9. - С. 26-28. - 0,3 п.л.

II. Статьи в других изданиях:

3. Култышев, С.Б. Вопросы уступки права в гражданском обороте // Материалы научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ 12 апреля 2000 г. - Владивосток, 2001. - С. 98-100. - 0,2 п.л.

4. Култышев, С.Б. Юридическая природа уступки права требования (цессии) // Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики: сборник научных трудов. - Владивосток, 2001. - С. 178-195. - 0,7 п.л.

5. Култышев, С.Б. Уступка права требования в дящихся правоотношениях // Сборник материалов научной конференции, посвященной памяти В.П. Шахматова. - Красноярск, 2001. - С. 246-252. - 0,6 п.л.

6. Култышев, С.Б. Некоторые вопросы защиты прав и охраняемых законом интересов сторон цессионных правоотношений // Защита прав и охраняемых законом интересов в судебном порядке: сборник научных трудов. - Владивосток, 2002. - С. 73-88. - 0,85 п.л.

7. Култышев, С.Б. Некоторые вопросы правового положения должника в цессионном правоотношении // Ученые записки Юридического института КрасГУ. - Красноярск, 2003. - Вып. 2. - С. 184-198. - 0,8 п.л.

8. Култышев, С.Б. Уступка требований личного характера: законодательство, теория, практика // Академический юридический журнал. - Иркутск. - 2004. - №2. - С. 27-34. - 0,8 п.л.

9. Култышев, С.Б. О современных концепциях объекта правоотношения, оборота имущественных прав и правопреемства // Модернизация политико-правовой системы России: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. - Волгоград, 2004. - С. 301-303. - 0,2 п.л.

10. Култышев, С.Б. Теоретические основы уступки требования // Материалы международной научно-практической конференции 23 декабря 2004 г. «Эффективность осуществления и защиты права как гарантия создания правового государства». - Минск, 2005. - С. 59-62. - 0,2 п.л.

11. Култышев, С.Б. Вопросы ответственности цедента в цессионном правоотношении // Стабильность и динамизм общественных отношений в Рос-

сийской Федерации (правовые аспекты): материалы Всероссийской научной конференции / ред. В.Я. Музюкин. – Барнаул, 2005. - С.184-186. - 0,1 п.л.

12. Култышев, С.Б. Распоряжение правом и вопросы терминологии в современной науке // Роль юридического образования и науки в формировании Российского гражданского общества и правового государства: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 65-летию юридического факультета ХГАЭП. - Хабаровск, 2005. - С. 192-194. - 0,2 п.л.

13. Култышев, С.Б. Распоряжение субъективным гражданским правом: традиционный подход и новые взгляды // Традиции, реформы и революции в развитии государства и права (К 100-летию революции 1905 г.): материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. - Волгоград, 2005. - С. 181-183. - 0,3 п.л.

14. Култышев, С.Б. О правовой природе и основаниях уступки требования (цессии) // Гражданское законодательство РФ как правовая среда гражданского общества: материалы международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 2. - Краснодар, 2005. - С. 168-174. - 0,4 п.л.

15. Култышев, С.Б. Некоторые вопросы уступки так называемых будущих требований // Правовая реформа в России: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. - Казань, 2005. - С. 84-89. - 0,3 п.л.

16. Култышев, С.Б. Актуальные проблемы уступки требований в современной теории и практике // Материалы научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов ДВГУ, Владивосток, 14 апреля 2005. - Владивосток, 2005. - С. 34-39. - 0,3 п.л.

17. Култышев, С.Б. Проблемы и перспективы отчуждения договорных требований // Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности: материалы международного научного форума «Региональное развитие России: перспективы конкурентоспособности и политика», 16-18 мая 2005 г. / Отв. ред. А.Е. Пилецкий. - Самара, 2005. - Ч. 4. - С. 114-116. - 0,3 п.л.

18. Култышев, С.Б. Уступка требований в судебной практике: состояние и перспективы // Юрист. - 2005. - №6. - С. 21-24. - 0,4 п.л.